

О «КАЧЕСТВЕ ЖИЗНИ»

И. В. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА, Г. С. БАТЫГИН

До 1960-х годов особенности условий жизни человека, какой-либо социальной группы или населения какой-либо страны в целом рассматривались немарксистскими общественными науками в США, как и в других капиталистических странах, почти исключительно в чисто экономическом плане, обычно с помощью экономической категории «уровень жизни» (level of life). В целях сравнения различных уровней жизни или в случаях нормативного подхода к оценке уровня жизни нередко использовалось также понятие «стандарт жизни», или «жизненный стандарт» (living standard). Но чаще оба понятия выступали и до сих пор выступают как синонимы, обозначающие одну и ту же категорию.

Одни авторы ограничивали содержание понятия «уровень (стандарт) жизни» величиной дохода. Другие включали в него более широкий круг показателей, в том числе и качественных. Вопрос о конкретном содержании указанной категории до сих пор остается в буржуазной (в том числе и американской) политической экономии дискуссионным. Однако на протяжении ряда десятилетий в данном отношении сложилась определенная традиция, с которой приходится считаться. Как правило, если автор не делает специальных оговорок, читатель понимает словосочетание «уровень (стандарт) жизни» как меру, оценку степени удовлетворения тех материальных и отчасти духовных потребностей, которые поддаются непосредственному количественному измерению. Имеются в виду такие, например, показатели, как уровень заработной платы и доходов, уровень потребления продовольственных и промышленных товаров (в том числе товаров, удовлетворяющих культурные потребности), уровень здравоохранения и образования, жилищных и культурно-бытовых условий, льгот и выплат из разного рода фондов и т. д.

Буржуазной политической экономии почти совершенно неведома более широкая социально-экономическая категория «уклад жизни», которой широко пользуются марксисты и которая ориентирована на характеристику элементов того или иного общественного строя, форм экономики, типичных для той или иной социальной группы, общества в целом¹. Здесь профильными выступают такие показатели, как характер собственности на средства производства, характер и классовая сущность экономики, социальных отношений, культуры, ведущей идеологии и морали, политической надстройки и т. д.

Однако в немарксистских общественных науках повышенное внимание уделяется социально-психологической категории «стиль жизни» (style of life, life style). Как и в предыдущем случае, одни авторы трактуют эту категорию узко, связывая ее лишь с поведением людей. Дру-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 296; т. 40, стр. 35; т. 45, стр. 279, и др.

гие, напротив, включают в нее все виды деятельности людей (труд, быт, общественно-политическая жизнь, культура и т. д.), и тогда она выступает в качестве синонима сравнительно новой, получившей распространение лишь в последние полтора-два десятилетия философско-социологической категории «образ жизни» (way of life). Правда, в США в отличие от Западной Европы эта категория по степени использования отходит далеко на задний план перед «уровнем (стандартом) и стилем жизни». Вообще на Западе она чаще используется в публицистике, чем в научных работах.

Таков был в основном понятийный аппарат, связанный с характеристикой условий и особенностей жизни людей в немарксистских общественных науках, когда в конце 50-х годов — почти одновременно с «образом жизни» — в научный оборот вошло еще одно новое понятие, носившее характер социологической категории, — «качество жизни» (quality of life).

I

Понятие «качество жизни» впервые появилось в книге Дж. Гэлбрейта «Общество изобилия»², постепенно получило на Западе широкое распространение, прошло две стадии развития и с начала 70-х годов, судя по литературе последних лет, вступило в третью, текущую.

Первую стадию, которая продолжалась ориентировочно с конца 50-х до середины 60-х годов, правильнее всего было бы назвать *эмбриональной*. В эти годы понятие «качество жизни», несмотря на все более частое употребление, по существу еще только складывалось. Оно употреблялось преимущественно в публицистике и носило крайне неопределенный, большей частью пропагандистский характер. Нередко оно выступало в качестве синонима близкого ему по характеру понятия «образ жизни», но чаще наблюдалось своеобразное «разделение труда»: образ жизни связывался, как правило, с социально-политическими проблемами и служил для восхваления прелестей американской демократии (вспомним газетные шаблоны типа «американский образ жизни — самый демократический в мире»), тогда как качество жизни относилось больше к социально-бытовым, социально-культурным проблемам и служило для восхваления качественных аспектов относительно высокого уровня жизни в США (аналогичные шаблоны типа «американское качество жизни — самое высокое в мире»), хотя в ряде работ — и, в частности, в упомянутой выше работе Дж. Гэлбрейта — оно с самого начала носило критический характер противопоставления сравнительно высокого уровня жизни явному отставанию удовлетворения социальных и интеллектуальных потребностей населения США.

Эта стадия ввиду своего специфического характера заслуживает специального внимания. Мы на ней останавливаться не будем, а перейдем сразу к рассмотрению особенностей второй и третьей стадий.

К середине 60-х годов наиболее дальновидные американские социологи и экономисты заподозрили, что экономический рост в условиях капиталистического способа производства и буржуазного общественного строя не обязательно может быть тождествен социальному развитию, что социальные проблемы в этих условиях могут быть гораздо шире и сложнее экономических. Американская экономика переживала в те годы очередную циклическую фазу подъема. Социально-экономический горизонт казался безоблачным, в кратко-, средне- и даже долгосрочных прогнозах преобладали розовые тона, в идеологии бурными темпами

² J. Galbraith *The Affluent Society*. Cambridge (Mass.), 1958. Мы говорим здесь о немарксистских общественных науках. Трактровка данного понятия с марксистско-ленинских позиций излагается в заключительном разделе настоящей статьи.

шло формирование концепций постиндустриального общества — грядущего «золотого века» капитализма. Однако в это же время в американских научных журналах одна за другой стали появляться статьи с требованием расширить диапазон оценок социально-экономической действительности, попытаться заглянуть дальше в будущее при составлении динамических рядов этих оценок, попытаться выяснить, как соотносятся различные ряды оценок друг с другом, уточнить критерии самих оценок и т. д.

Были развернуты специальные исследования в этом направлении. Наиболее значительно в числе первых из них исследование, проведенное по заказу Национального управления по авиации и исследованию космического пространства (НАСА) группой профессоров Массачусетского технологического института и других американских научных учреждений под руководством проф. Р. Бауэра. Отчет об исследовании был опубликован в 1966 г. в виде специального сборника статей, близкого по своему характеру к программной коллективной монографии, под заглавием «Социальные индикаторы»³. Этот труд стал важной вехой в формировании и развитии целого направления американских и западноевропейских социальных исследований, сложившегося во второй половине 60-х годов и известного под названием «движение за социальные индикаторы» (social indicators movement), которое с самого начала оказалось тесно связанным с понятием качества жизни.

Стремление ввести расплывчатое понятие качества жизни в строгие рамки научной категории, очертить его четким кругом показателей, найти способы измерения, сопоставления, социального нормирования качественных характеристик условий и особенностей жизни индивида, социальных групп, американского общества в целом на протяжении второй половины 60-х годов приобретало все более значительный размах. По сути дела это стремление и составило основное содержание второй стадии развития понятия качества жизни в американских социальных исследованиях, начало которой в связи со сказанным выше удобно датировать 1966 г. — годом выхода в свет коллективного труда «Социальные индикаторы». Характер этой стадии, на наш взгляд, определяется ярко выраженной тенденцией построить систему количественных оценок, квантифицировать «качество жизни» уже не как чисто пропагандистское, а как научное понятие, отражающее определенную социологическую категорию. В связи с этим мы назвали бы вторую стадию *квантификационной*.

Основная задача, которая ставилась первоначально перед авторами «Социальных индикаторов», сводилась к оценке влияния научно-технического прогресса — и, в частности, начала освоения космического пространства — на социальное развитие американского общества. Однако Р. Бауэр и его коллеги — А. Бидерман, Б. Гросс, Р. Розенталь и Г. Вайсс — вышли далеко за рамки этой задачи. Они сосредоточили внимание на анализе причин отставания в те годы США от СССР по масштабам и темпам освоения космического пространства, логически перешли к анализу негативных социальных явлений американской действительности и завершили попыткой выяснить причины таких явлений.

Первопричина всех бед, по мнению авторов, — необеспеченность руководящих лиц, которые принимают ответственные политические решения, достаточно полной, надежной, научно обоснованной информацией. Объяснение, разумеется, довольно одностороннее, узкое, не вскрывающее действительной первопричины — изжившего себя способа производства и связанного с ним общественного строя, но вполне понятное для экспертов, выступающих в шорах буржуазных общественных наук. Попытка поставить «социальный диагноз» современному американско-

³ «Social Indicators». Ed. by R. Bauer. Cambridge (Mass.), 1966.

му обществу, как была названа эта книга в одном из последних американских трудов по социальным индикаторам⁴, предпринималась с явно неадекватными средствами. Но это был несомненно сильнейший вызов американскому научному истеблишменту тех недавних времен: ставились под сомнение важные принципы американской социально-экономической статистики, которая с давних пор — как и повсюду на Западе — традиционно ориентировалась на чисто экономические показатели в рамках категории жизненного уровня (стандарта). Выдвигалось требование расширить и уточнить круг основополагающих показателей, включив в него индикаторы не только экономического, но и социологического характера, иными словами, рассматривать социально-экономические проблемы в рамках не только экономических, но и социологических категорий — прежде всего качества жизни.

В рамках настоящей статьи вряд ли уместно детально рассматривать особенности эволюции «движения за социальные показатели». Эта тема также должна служить предметом специального рассмотрения. Отметим лишь, что в «движении» с самого начала наметились два противостоящих течения. Представители одного из них (Б. Гросс, А. Спрингер, Г. Клейгс и др.) выдвигали требование непосредственного увязывания системы социальных индикаторов с системой принятия решений, т. е. непосредственной опоры политики на ориентиры, образуемые концепцией качества жизни⁵. Представители другого течения, господствующего и до сих пор (Э. Шелдон, У. Мур, Г. Фримэн и др.), настаивали на более осторожном, «описательном» подходе («дескриптивном изложении») при конструировании системы социальных показателей, отделяя их, насколько возможно, от влияния со стороны политических решений. Они мотивировали это тем, что социальная действительность, по их мнению, слишком сложна, чтобы быть выраженной в адекватных моделях, состоящих из совокупностей социальных показателей и способных помочь достаточно полно и точно взвешивать последствия принимаемых решений. Социальные индикаторы, с этой позиции, должны конструироваться и изучаться сами по себе, с учетом потенциальных возможностей и ограничений такого подхода. А система принятия решений должна считаться с социальными показателями как с независимой системой, способной помочь повышению уровня объективности и, следовательно, эффективности решений⁶.

Последнее течение придавало понятию качества жизни и стоящей за ним соответствующей социологической категории такую же важную самостоятельную роль в системе социального управления, какая ранее принадлежала только категории уровня (стандарта) жизни. Один из основоположников «движения за социальные индикаторы» писал, что это было «не только выступлением против эконометрического общества (общества, ориентированного в своем развитии на чисто экономические показатели.— *Авт.*), но и против интеллектуального аппарата такого общества... Это была атака на традиционную экономическую науку как основу нормативной теории и инструмент анализа (социального развития.— *Авт.*), выступление против излишнего доверия к рынку как к мере ценности вещей. Это была атака на «статистическую бюрократию», которая занимается тем, что можно без труда подсчитать в долларах, пренебрегая рассмотрением того, что именно подсчитывается»⁷.

⁴ J. de Neufville. *Social Indicators and Public Policy*. N.Y., 1975, p. 43.

⁵ «Social Indicators», p. 234; H. Klages. *Assessment of an Attempt on a System of Social Indicators*. «Policy Sciences», № 3, 1973, p. 261.

⁶ E. Sheldon, W. Moor. *Indicators of Social Change. Concept and Measurement*. N.Y., 1968; E. Sheldon, H. Freeman. *Notes on Social Indicators: Promises and Potentials*. «Policy Sciences», № 1, 1970, p. 99.

⁷ A. Biderman. *Social Indicators — Whence and Whither? 1st American Conference for Social Indicators*. Wash., 1972 (reprint), p. 1.

Так происходило постепенное становление качества жизни на уровне специальной социологической категории.

Следует отметить, что отдельные американские эксперты выступали против одностороннего экономического подхода к обоснованию политических решений и раньше — задолго до середины 60-х годов. Во всяком случае американский экономист У. Огборн, учениками которого являются Э. Шелдон, А. Бидерман и некоторые другие лидеры «движения за социальные индикаторы», еще в 1933 г. представил президенту Г. Гуверу доклад «Современные социальные тенденции», где по существу призывал преодолеть узость чисто экономического подхода⁸. Аналогичные попытки имели место и в последующие годы. Но только во второй половине 60-х годов был в полной мере поставлен вопрос об адекватности инструментов и средств измерения экономических наук действительной сложности измеряемого объекта — человеческого общества (в данном случае его части — американского общества). Впервые был с достаточной резкостью поставлен под сомнение традиционный постулат, будто благосостояние страны — это количество долларов, автомашин, телевизоров, холодильников, кондиционеров и т. п. Становилось все более очевидным, что благосостояние — это все же нечто более широкое, сложное и, главное, качественное.

Практически этот новый подход выразился в том, что была развернута политическая кампания за создание Социального совета при президенте США — по образу и подобию, но в дополнение к уже существовавшему тогда Экономическому совету при президенте. Лидером кампании стал сенатор У. Мондейл, который выступил с проектом закона о создании упомянутого совета и о подготовке ежегодного «Доклада президенту о состоянии социальных индикаторов»⁹.

Постепенно качество жизни становилось не только инструментом буржуазной пропаганды, но и категорией буржуазной социологии, орудием буржуазной — в данном случае американской — политики, системы принятия решений.

Социологическая категория качества жизни развивалась в США на протяжении второй половины 60-х годов в контексте не только «движения за социальные показатели», но и американской футурологии¹⁰, а также еще одного направления исследований, тесно связанного с двумя предыдущими. Оно известно под названием «технологическое оценивание» (буквальный перевод выражения «technological assessment», ТА), хотя правильнее было бы перевести на русский как «оценка применения новой технологии» или, учитывая более емкое понятие английского термина «technology», намного более широкое по смыслу, чем русский аналог, как «оценка социальных последствий научно-технического прогресса»).

Термин «технологическое оценивание» был предложен в том же 1966 г. членом упоминавшейся выше проблемной группы НАСА Ф. Джергером. За короткое время это направление проделало эволюцию, аналогичную «экологической волне», прокатившейся незадолго перед тем: шумная газетная кампания, орудие предвыборной кампании, инструмент монополий, специальные общественные и правительственные учреждения, наконец, специальная международная научная ассоциация со своими конгрессами, журналами, борьбой концепций и пр. И на всех стадиях этой эволюции концепция качества жизни выступала органической составной частью ТА.

ТА в американской литературе определяется как «термин, применяемый к классу исследований, направленных на обеспечение законо-

⁸ «Recent Social Trends in the United States». N.Y., 1933.

⁹ «Congressional Record», vol. 115. Wash., 1969, pp. 768, 2671—2674.

¹⁰ См. статью «Эволюция американской футурологии». «США — экономика, политика, идеология», № 3, 1977.

дательных и исполнительных правительственных органов необходимой информацией. ТА может быть определено как процесс систематического прогнозирования, выявляющий варианты выбора затрат на новую технологию и ее эффективность, с особым вниманием к вторичным, вообще косвенным, далеким последствиям внедрения новой технологии»¹¹. Очевидно, что при таком подходе категория качества жизни становится как бы полем оценок, причем главным и основным.

Социально-политические кризисы конца 60-х годов вызвали кризис буржуазной футурологии, который был по существу результатом дальнейшего обострения кризиса буржуазных общественных наук, буржуазной идеологии вообще. На арене научно-политической жизни Запада появился Римский клуб — собрание нескольких десятков влиятельных бизнесменов, ученых, политиков, которые поставили целью содействовать научным исследованиям, способным выявить масштабы и характер затруднений, преодолевающих человечество (читай: мировую капиталистическую систему), наметить пути выхода из надвигающихся кризисов.

Один из первых заказов был адресован профессору Массачусетского технологического института Дж. Форрестеру, известному своими работами по моделированию социально-экономических процессов. Ему поручалось разработать глобальную модель, на основе которой с помощью компьютеров можно было бы точнее оценить перспективы развития человечества. Книга Дж. Форрестера «Мировая динамика» и отчет об исследовании, проведенном на основе концепции, изложенной в этой книге, до сих пор служат на Западе предметом дискуссии. Здесь нет возможности останавливаться на этой стороне дела. Нас интересует в данном случае лишь попытка Форрестера концептуализировать понятие качества жизни применительно к целям и задачам своего исследования, превратить это понятие в четко сформулированную научную концепцию.

Поскольку последующие годы в интересующем нас плане свелись к обсуждению работы Форрестера, его концепция качества жизни также подверглась критике с предложением множества альтернатив. С этой точки зрения «Мировую динамику» удобно считать как бы переломным моментом в эволюции понятия качества жизни от простого словосочетания к социологической категории, а 1971 г. — год выхода в свет этой книги — ориентировочной датой начала третьей стадии эволюции данного понятия, продолжающейся и поныне. По аналогии с двумя предыдущими мы назвали бы эту стадию *концептуальной*: именно с начала 70-х годов «качество жизни» складывается не просто как научная категория, а как определенная концепция.

II

Дж. Форрестер предложил социальную модель качества жизни (как органическую составную часть глобальной модели) в виде следующей системы показателей: уровень (стандарт) жизни — уровень скученности населения — уровень питания — уровень загрязнения окружающей среды¹². Разумеется, измерять объекты типа скученности или загрязнения непросто. Практически это можно сделать либо с помощью сложных подсистем агрегированных показателей более частного порядка, либо с помощью специально разработанных индексов (обобщающих показателей), либо с помощью таких частных показателей, высококоррелирующих с измеряемым объектом в целом, которые могли бы

¹¹ «Technological Assessment in a Dynamic Environment». Ed. by M. Cetron. N.Y., 1973, p. 10

¹² J. Forrester. World Dynamics. N.Y., 1971, pp. 60—63.

служить условными индикаторами изменения состояния объекта. Именно эти три направления и сделались основными в моделировании качества жизни на протяжении последующих лет. Но главное, при таком подходе логически напрашивается строгая концептуализация исследуемой категории.

По существу Форрестер предложил концепцию, согласно которой качество жизни оказывается альтернативой уровня жизни: чем выше уровень — тем ниже качество, и наоборот. Действительно, чем больше долларов валового национального продукта на душу населения (традиционный на Западе показатель уровня жизни, хотя он далеко не тождествен реальным доходам «среднего американца», которого обирают все, начиная с налогового управления и кончая мафией), тем больше заводов, автомашин, коттеджей, доли занятых напряженным умственным трудом с физиопсихическими перегрузками. И следовательно, тем выше скученность населения в протянувшихся на сотни миль «мегаполисах», состоящих из бесконечных рядов приткнутых друг к другу коттеджей, тем выше загрязнение окружающей среды, тем выше стрессы у людей на работе, в дороге и дома, тем труднее удерживать от падения уровень здравоохранения, т. е. в данной концепции — тем ниже качество жизни людей.

Разумеется, в рамках буржуазного мировоззрения все это никак не связывалось с изжившим себя способом производства, общественным строем, при котором «чем лучше — тем хуже»; все это абсолютизировалось, объявлялось якобы неизбежным социальным следствием научно-технического прогресса в современных условиях. Соответственно предлагалась и рецептура «уравновешивания» обоих параметров жизни людей: «нулевой рост» народонаселения (двух-, трехдетная в среднем семья), промышленности (строительство новых предприятий только взамен старых, причем той же мощности), загрязнения окружающей среды (безотходные предприятия с замкнутым циклом производства, утилизация бытовых отходов, «чистые источники энергии» — солнце, ветер, вода и т. д.). Совершенно игнорировались при этом циклические кризисы перепроизводства, безработица, голод и нищета сотен миллионов людей, деморализация, хищническая погоня за прибылями любой ценой и прочие неизбежные спутники капитализма.

Впоследствии концепция «нулевого роста» была заменена более детально разработанной концепцией «органического роста», которая строилась на принципе компенсации продолжения роста там, где это будет признано необходимым, более радикальным свертыванием темпов роста в остальных случаях. Но основная социально-политическая направленность предлагаемых «социальных рецептов» (равно как и их классовая сущность) осталась прежней.

Вряд ли правомерно считать Форрестера «основоположником» моделирования качества жизни. Моделирование социально-экономических явлений и процессов на Западе, и особенно в США, к началу 70-х годов имело уже сравнительно давнюю традицию. Оно было относительно высоко развито благодаря трудам таких крупных специалистов применения математических методов в экономике и построения эконометрических (а также в какой-то мере социометрических) моделей типа «затраты — выпуск», как В. Леонтьев, С. Кузнец, Н. Терлецкий, Я. Тинберген (Нидерланды) и в ряду прочих тот же Дж. Форрестер, выступивший с первой своей значительной работой по данной проблематике еще в начале 60-х годов. Но поскольку «Мировая динамика» Форрестера и основанные на ней «Пределы роста» Д. Медоуза и его коллег положили начало дискуссии по проблемам глобального моделирования, продолжающейся и до сих пор, — а глобальное моделирование немислимо без четкой концепции соотношения качественных и количественных изменений в жизни общества — эти работы дали определенный толчок

дальнейшему развитию «социологии глобальных систем» и способствовали подъему моделирования качества жизни на новый уровень.

За время с 1971 г. в американской специальной литературе появилось несколько десятков различных моделей качества жизни¹³. Остановимся подробнее на тех из них, которые представляются нам наиболее значительными.

М. Джонс и М. Флэкс в своем исследовании, начатом еще в 1970 г., разработали модель «сфер качества жизни в крупных городах США», состоящую из 14 блоков показателей: доходы, безработица, бедность, жилищное обеспечение, образование, физическое здоровье, психическое здоровье, загрязнение воздуха, общественный порядок, безопасность на автодорогах, расовое неравенство, проблемы общностей (community concept), участие в управлении, девиантное (отклоняющееся от нормы) поведение¹⁴.

Дж. Вильсон в 1973 г. предпринял факторный анализ 72 социальных показателей, чтобы установить различия в качестве жизни населения 50 американских штатов. Его модель качества жизни состояла из девяти компонентов: индивидуальный статус, равенство, образование, экономический рост, технологические изменения, сельское хозяйство, жизненные условия, здоровье, социальная безопасность¹⁵.

П. Рэстоджи годом раньше предложил концепцию качества жизни «специально с целью измерения стабильности и жизнеспособности социальных систем». Его модель состояла из 11 переменных: административная эффективность органов управления, уровень экономического развития страны, темпы экономического роста, уровень образования населения, темпы роста населения, уровень безработицы, темпы роста индекса цен, масштабы и интенсивность «военно-политического давления на правительство страны как внутри нее, так и извне», средняя продолжительность жизни, «этническая напряженность» из-за расовых, культурных, идеологических противоречий среди населения, оценка самим населением роли правительства и его способности решать основные социальные проблемы¹⁶. Как видим, здесь явный уклон концептуализации качества жизни в социально-политическую плоскость, смежную со сферой моделирования международных отношений.

Прогностическую модель качества жизни в виде совокупности 31 показателя видов деятельности, необходимой для достижения 22 социальных целей, с оценкой требующихся для этого ресурсов (время упреждения — 1981 г.) предложил в 1972 г. Н. Терлецкий. Среди показателей целей, по мнению автора, наиболее важны: «число преступлений на 100 тыс. человек в год», «количество населения с уровнем жизни ниже прожиточного минимума», «степень различия в доходах семей», «средний часовой заработок женщин в процентах к заработку мужчин», «процент живущих в удовлетворительных условиях», «площадь природной среды, сохраняемой в первозданном виде», и т. д.¹⁷ В данном случае явная ориентация на подчинение концепции качества жизни решению наиболее острых социальных проблем.

Н. Терлецкий попытался довести квантификацию качества жизни в прогностических целях до требований, предъявляемых обычно только к уровню жизни, а именно попытался выразить в долларах каждый из

¹³ Более полный обзор их по состоянию на 1974 г. можно найти в: «International Social Science Journal», № 3, 1975.

¹⁴ «A Study in Comparative Indicators: Conditions in Eighteen Large Metropolitan Areas». N.Y., 1973.

¹⁵ J. Wilson Quality of Life in the United States. N.Y., 1974.

¹⁶ P. Rastogi. Time Path of Total Society System. The Case of US Society 1951-1972. «Simulation», № 1, 1972.

¹⁷ Цит. по: К. Фох. Social Indicators and Social Theory. Elements of an Operational System. N.Y., 1974, pp. 105—108.

основных компонентов предлагаемой им концепции. Так, он вычислил, что программа повышения средней продолжительности жизни населения США с 71 года в 1971 г. до 72,4 в 1981 г. (важная переменная качества жизни почти во всех концепциях американских авторов) обойдется правительству примерно в 66 млрд. долл. по курсу 1971 г.¹⁸ Тем самым доводился до логического конца процесс эволюции понятия качества жизни от простого публицистического словосочетания до строгой социологической категории и, наконец, операционального использования этой категории в качестве инструмента системы принятия решений, вообще в системе управления социальными процессами.

В 1973 г. политическая кампания под лозунгом «повышения качества жизни» достигла в США кульминации. Тезис о качестве жизни прозвучал в речи Р. Никсона и был многократно повторен в выступлениях ведущих американских политических деятелей. Не было недостатка и в различных проектах создания специальных государственных и научных учреждений для «повышения качества жизни», особенно в связи с 200-летием американской революции. Однако «вползание» США в очередной экономической кризис и явное падение качества жизни граждан страны резко снизили масштабы и накал этой политической кампании, продолжающейся, впрочем, до сих пор.

На протяжении последних трех-четырех лет (ориентировочно в 1973—1977 гг.) на первый план среди концепций качества жизни в США постепенно выдвигается концепция «ощущаемого качества жизни» (percieved life quality). Она составляет основу целого направления построения систем социальных показателей и вместе с тем дальнейшей разработки проблематики качества жизни.

Это направление порождено растущим недоверием к традиционной социальной статистике, которая оперирует почти исключительно так называемыми «показателями объективного состояния явления». Одностороннее увлечение такими показателями действительно искажает представление о социальной реальности, особенно касательно качественных характеристик последней: цифры динамических рядов вроде бы благополучны, а удовлетворенность трудом, бытом, общественно-политической жизнью явно падает. Отсюда другая крайность: растущее увлечение современной буржуазной социологии «субъективными измерениями», т. е. выяснением оценки условий и особенностей жизни самим участником социологического опроса. Этот подход основан на теоретическом постулате, согласно которому изучение удовлетворенности жизнью и построение систем показателей, отражающих индивидуальные потребности и ощущения, помогут преодолеть ограниченность традиционной статистики, найти выход из «одномерности» оценок социальной действительности, отчуждающей и порабащивающей человека, невзирая на экономический рост.

Наиболее фундаментальная работа данного плана — коллективный труд группы социологов Мичиганского университета во главе с А. Кэмпбэллом, П. Конверсом и У. Роджерсом («Качество американской жизни») ¹⁹. В рамках этого направления разрабатываются различные методики, исходящие в основном из формулы

$$I_i = \frac{f}{F} \quad \text{реальный статус фактора}$$
$$I_i = \frac{f}{F} \quad \text{желаемое состояние фактора}$$

где I_i — индекс удовлетворенности i сферой жизни, являющийся функцией отношения реального статуса фактора к желаемому состоянию

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ A. Campbell, Ph. Converse, W. Rodgers. The Quality of American Life. Perceptions, Evaluations and Satisfactions, N.Y., 1976; F. Andrews. Social Indicators of Percieved Life Quality. Paper for VIII World Congress of Sociology. Toronto, 1974.

последнего. При таком подходе общий индекс качества жизни может быть выражен формулой $Q = f(I_1, I_2, I_3, \dots, I_n)$, где n — количество факторов (сфер жизнедеятельности) в модели «ощущаемого качества жизни».

Одна из методик рассматриваемого плана базируется на использовании «самостабилизирующей шкалы» (self-anchoring striving scale), разработанной Х. Кэнтрилом и Л. Фри еще в 1958 г.²⁰ Методика, предложенная А. Кэнтрилом и Ч. Роллом в 1971 г., сводится в основных чертах к следующему²¹. Интервьюер просит интервьюируемого описать, какой была бы его жизнь, если бы он представил свое будущее «в лучшем свете». Затем задается противоположный вопрос: каким выглядит для него будущее «в наивозможно худшем свете». Оба вопроса открытые. Интервьюируемый дает на них совершенно произвольный ответ, который фиксируется интервьюером. После этого интервьюер показывает респонденту рисунок, символизирующий «лестницу жизни», и разъясняет, что верхняя ступенька представляет весь комплекс надежд, которые участник опроса описал как свое идеальное будущее, а нижняя — наивозможно худшее будущее. Интервьюируемого просят указать то место на «лестнице жизни», которое он, по его мнению, занимает в настоящее время, где он находился пять лет назад и надеется очутиться через пять лет.

Любопытно, что исследование Кэнтрила и Ролла привело к следующим практическим результатам. При всем разбросе индивидуальных оценок опрошенных выявилась совершенно определенная тенденция в оценке ими изменений «ощущаемого качества жизни»: стала менее популярной традиционная американская мечта о преуспевании в бизнесе, произошел определенный сдвиг в сознании людей от сугубо личных проблем к общественным, увеличилось беспокойство в связи с инфляцией, стал меньше страх перед войной, значительно меньше страх перед «коммунистической опасностью» (видимо, поэтому его приходится так усиленно подогревать определенным кругам в США), несколько сгладились расовые противоречия, чего нельзя сказать о классовых²². Важнейшие индикаторы (кризис, безработица, инфляция, дальнейший рост преступности и коррупции, деморализация и рецидивы «холодной войны») при этом из года в год оказывались хуже, чем в предшествующий период.

Категория качества жизни за последние годы прочно вошла в научный аппарат не только практиков социального моделирования, но и таких виднейших американских теоретиков-идеологов, как Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, У. Росту, З. Бжезинский и др. Получило широкую известность интервью Дж. Гэлбрейта еженедельнику «Обсервер», в котором он высказался против дальнейшего экономического роста и расширения потребления, т. е. фактически против дальнейшего повышения уровня жизни, провозгласив «целью в этом мире не потребление, а пользу и наслаждение жизнью» (т. е. качество жизни)²³. В своей последней книге «Экономика и общественная цель» он даже призывает для повышения качества жизни в США к «социалистическим реформам»²⁴. Точно так же последняя книга Д. Белла «Культурные противоречия капитализма» от первой до последней страницы пронизана идеей, что капитализму грозит близкая гибель, если буржуазное общество не сумеет срочно произвести переоценку своих ценностей и не ориентирует свое развитие на повышение в первую очередь не уровня, а качества

²⁰ «Journal of Individual Psychology», 1960, vol. 16, p. 158.

²¹ A. Cantril, Ch. Roll. *Hopes and Fears of the American People*. N.Y., 1971, pp. 15—17.

²² *Ibid.*, pp. 18—22.

²³ «The Observer», November 22, 1970, p. 25.

²⁴ J. Galbraith. *Economics and Public Purpose*. N.Y., 1975.

жизни²⁵. У. Ростоу, модифицируя свою «теорию стадий экономического роста» применительно к современным условиям, объединяет стадии «подъема» и «технологической зрелости» как две фазы одной и той же стадии индустриализации, а вслед за столь скомпрометированной стадией «массового потребления» вводит стадию «поиска качества», которая характеризуется сменой ориентации на повышение уровня жизни ориентацией на повышение качества жизни²⁶.

Как бы подытоживая такого рода выводы, американский социолог Дж. Флишмэн на заседании специальной комиссии конгресса США по вопросам градостроительства заявил: «Для богатых, которые имеют достаточно средств, чтобы оградить себя от неудобств городской жизни, существуют благоприятные условия избавиться от шума, мусора, зловония, создать прекрасную обстановку, приспособленную к утонченному вкусу потребителя, способного заплатить за это. Для бедных, как черных, так и белых, пришедших в город, чтобы попытать удачу, качество жизни достигает крайней степени убожества»²⁷.

Трудно дать более убийственную оценку качества жизни населения самой богатой в мире страны.

III

Анализ эволюции понятия качества жизни от пропагандистского словосочетания к социологической категории, которая может быть поставлена на службу теории и практике принятия решений, показывает, что данное понятие не просто выдумка буржуазной пропаганды. Это научно-политическая реальность, порожденная особенностями развития человечества в современную эпоху — эпоху научно-технической революции и ее далеко идущих социально-экономических последствий, эпоху дальнейшего развертывания в этих условиях общего кризиса капитализма (включая буржуазную идеологию), с одной стороны, коммунистического строительства в странах победившего социализма — с другой. Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл подчеркнул в своем выступлении на XXIV съезде КПСС, что ныне важны не только показатели промышленного роста или цены на товары, что сейчас на чашу весов брошена вся качественная сторона жизни, что уровень материального достатка при этом играет очень важную роль, но масштабы измерения стали сейчас гораздо шире, они включают весь спектр человеческих ценностей, их сравнительную значимость, которая определяется внутренними законами каждой социальной системы²⁸. С этих принципиальных позиций и следует подходить к научному анализу понятия «качество жизни».

Сама по себе данная социологическая категория — как и все остальные категории того же типа — не может быть монополией какого-то отдельного ученого, отдельного направления научных исследований или научной школы, даже отдельно взятой буржуазной или, напротив, марксистско-ленинской общественной науки. Подобно категориям уровня (стандарта), стиля, уклада жизни, она входит в инструментарий целого комплекса общественных наук. Ею пользуются в своих исследованиях социологи, экономисты, статистики, экологи, философы, представители других научных дисциплин. Она берется на вооружение буржуазной идеологией, стремящейся отвлечь трудящихся от борьбы за повышение уровня жизни, но стоит на вооружении и марксистско-

²⁵ D. B e l l. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1976.

²⁶ W. R o s t o w. Politics and Stages of Growth. Cambridge (Mass.), 1971, p. 20.

²⁷ «The Quality of Urban Life», part 2. Wash., 1970, pp. 194—195.

²⁸ «XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет», т. I. М., 1971, стр. 416.

ленинской идеологии, убедительно доказывающей, что действительно высокое качество жизни, достойное человека, немислимо в условиях буржуазного строя, скованного рамками капиталистического способа производства, что оно может быть достигнуто только в условиях перехода от капиталистической к коммунистической общественно-экономической формации. Вопрос не в том, пользуется или не пользуется тот или иной ученый или публицист понятием качества жизни, а в том, с каких идейно-политических позиций он подходит к нему, какое содержание вкладывает в него, какие именно научные, политические, идеологические цели преследует с его помощью.

Методологический подход к явлениям общественной жизни с позиций исторического материализма, заложенный в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, предусматривает анализ прежде всего качественных особенностей форм и условий жизнедеятельности людей.

В условиях социализма — в отличие от современного капитализма — «качество жизни» не является «антагонистом» «уровня жизни». «Уровень жизни» был и остается для марксистов основополагающей в данном отношении экономической категорией. Коммунистическая партия Советского Союза и другие братские компартии видят главную свою задачу в современных условиях именно в повышении уровня жизни народа. Но по мере роста уровня жизни при социализме создаются все более благоприятные условия и для дальнейшего повышения «качества жизни» людей. Коммунисты делают упор не только на уровень, но и на качество жизни народа, заявил секретарь ЦК КПСС академик Б. Н. Пономарев²⁹.

Социологическая категория качества жизни не обязательно должна трактоваться так односторонне и узко, как это трактуется в работах американских социологов и экономистов. Возможен более широкий и последовательный подход. Экономическая категория уровня жизни, как было показано выше, ориентирована на оценку степени удовлетворения материальных и отчасти духовных потребностей, которые поддаются непосредственному количественному измерению. А как быть с социальными и интеллектуальными потребностями более высокого порядка, степень удовлетворения которых непосредственному количественному измерению не поддается, требует применения сложных косвенных методов измерения типа квалиметрических шкал? Между тем именно такие потребности приобретают в современных условиях все большую актуальность.

Сюда относятся показатели содержательности труда и досуга, удовлетворенности трудом и досугом, уровня комфорта в труде и быту, качества питания и условий приема пищи, качества одежды, жилья, жилой и окружающей среды вообще, качества функционирования всех социальных институтов — от здравоохранения и народного образования до учреждений культуры и социального управления, качественного уровня удовлетворения потребностей в общении, в знаниях, в творчестве, в общественно-политической активности и т. п. Иными словами, имеется в виду удовлетворение потребностей не только в самосохранении, но и в самоутверждении, самоуважении и уважении со стороны окружающих, саморазвитии, самовыражении, самореализации личности — всестороннем развитии личности как самоцели коммунистического строительства, связанном с возвышением духовных потребностей человека.

Очевидно, что столь сложный (и специфический) набор показателей трудно уложить в рамки категории «уровень жизни», сколь бы широко ни трактовалась эта последняя. Трудно без оговорок включить

²⁹ См. «Коммунист», № 5, 1973, стр. 15.

эти показатели и в систему показателей образа жизни — способа жизнедеятельности людей в труде, быту, культуре, общественно-политической сфере: ведь в данном случае имелись в виду показатели не деятельности, как таковой, а скорее условий, в которых протекает та или иная деятельность. Показатели указанного порядка более органично вписываются в категорию «качество жизни».

Буржуазные концепции «качества жизни» подверглись принципиальной критике в советской научной литературе. При этом многие советские авторы, критически рассматривая такого рода концепции и указывая на несостоятельность попыток с их помощью продлить жизнь изжившего себя общественного строя, подчеркивали принципиальную возможность и необходимость дальнейшей научной разработки социологической категории качества жизни с марксистско-ленинских позиций в интересах дальнейшего повышения уровня научной обоснованности управления социальными процессами коммунистического строительства в Советском Союзе и других странах победившего социализма³⁰.

Сказанное выше, на наш взгляд, еще один аргумент в развитие этого тезиса.

³⁰ См. А. Г. Милейковский. Проблема «качества жизни» в развитых капиталистических странах. «Вопросы философии», № 7, 1974; С. И. Попов. Буржуазная социология в поисках «нового качества жизни». «Социологические исследования», № 1, 1977. Его же, Проблемы «качества жизни» в современной идеологической борьбе. М., 1977.